

Заложники в средневековой Руси*

**Мария Леонидовна
Лавренченко**

Ярославский государственный
университет им. П. Г. Демидова,
Ярославль, Россия

Hostages in the Medieval Rus'

Maria L. Lavrenchenko

P. G. Demidov Yaroslavl State
University,
Yaroslavl, Russia

Резюме

Предоставление заложников-гарантов было широко распространено в различные исторические эпохи, в том числе в ранней истории Восточной Европы. Данная статья посвящена социальному контексту и особенностям осуществления этой практики в средневековой Руси до середины XIII в. согласно материалам древнейших летописей: *Суздальской* (по Лаврентьевскому списку), *Киевской* и *Галицко-Волынской* (по Ипатьевскому списку), *Новгородской первой*. Их тексты содержат целый ряд эпизодов осуществления практики предоставления гаранта, среди которых выделяется группа ситуаций, описывающих взаимодействие Рюриковичей на раннем этапе становления династии с языческими (чаще всего — степными) народами, что характеризует ее как универсальный кросскультурный и межрелигиозный политический инструмент. В XII–XIII вв. заложники-гаранты (также называемые в летописях *тали*) часто фигурируют в известиях о взаимодействии новгородцев с киевскими, суздальскими и черниговскими князьями, псковичей с Рижским епископством и Ливонским Орденом. Хотя

* Работа выполнена в рамках государственного задания на НИР № FENZ-2022-0002.

Цитирование: Лавренченко М. Л. Заложники в средневековой Руси // *Slověne*. 2023. Т. 12, № 2. С. 47–71.
Citation: Lavrenchenko M. L. (2023) Hostages in the Medieval Rus'. *Slověne*, Vol. 12, № 2, p. 47–71.
DOI: 10.31168/2305-6754.2023.2.03

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution-NonCommercial 4.0 International

2023 №2 *Slověne*

предоставление заложников широко использовалось в рамках долгосрочной княжеской политики, эта практика часто служила для решения четко очерченных задач и обеспечивала выполнение конкретного соглашения. В качестве заложников-тали выступали преимущественно младшие родственники политических лиц — сыновья, братья — что отражало значимость личных и семейных связей в политике Руси.

Ключевые слова

политические практики, заложники-гаранты, тали, половцы, Средневековая Русь, Великий Новгород, Псков, Новгородская земля, Новгородская первая летопись, Ипатьевская летопись, Лаврентьевская летопись

Abstract

Providing hostages was a widespread political tool in various historical periods; it was also the case in the Medieval Rus'. Many of the early chronicles' episodes describing this practice are related to the interactions between the Rurikids and pagan tribes (mostly nomads), which demonstrates the versatility of this tool, since it helped to make treaties between rulers from different cultures and religions. First Novgorodian Chronicle mentions hostages (they have a specific name — *tali* — in chronicles) when describing the events of the 12th–13th centuries in North-Western Rus'. Guarantors figured in the relations between Novgorodians and the Kievan, Chernigov or Suzdal Princes, and even in the descriptions of Pskov contacts with the Archbishopric of Riga or the Livonian Order. Although providing hostages was mostly used in the long-term princely policy, it could also be utilized to ensure achieving clearly defined goals and fulfilling specific agreements. When providing hostages, typically the choice fell on the younger relatives of political actors: their sons and brothers, which reflects the importance of personal and family ties in the medieval Rus'.

Keywords

political practices, hostages, medieval Rus', Veliky Novgorod, Novgorod Land, Pskov, cumans, Novgorod First Chronicle, Hypatian Chronicle, Laurentian Chronicle

Предоставление заложников как гарантов в средневековой Руси до середины XIII в. ранее не было темой самостоятельного исследования, и эта статья представляет собой попытку исправить досадное упущение. В работе рассматриваются данные *Суздальской* (по Лаврентьевскому списку), *Киевской* и *Галицко-Волынской* (по Ипатьевскому списку) и *Новгородской первой летописей*. В первой части статьи показаны случаи взаимодействия Рюриковичей с языческими племенами, в которых использовалась эта практика, вторая часть посвящена историческим ситуациям в политических перипетиях Северо-Западной Руси. В статье рассматривается летописный материал в его повествовательной целостности без выборки по достоверности описываемых событий,

поскольку фокус исследования направлен на представление летописца о том, каким образом данная практика могла применяться. Так как предоставление заложника осуществлялось в рамках соглашений между двумя сторонами, отдельные силы, действовавшие в средневековой Руси, такие как представители династии и отдельных ее ветвей, политическое общество города или племени, обобщенно рассматриваются как политические акторы и контрапартнеры.

Любой средневековый конфликт, особенно если он выливался в конкретные военные действия, оказывал значительный негативный эффект на развитие вовлеченных в него земель и в конце концов становился невыгоден обеим сторонам: под удар попадали сельское хозяйство, ремесла, торговля. Умение предотвратить его эскалацию было необходимо любому успешному правителю. С начала становления династии Рюриковичи сформировали собственный политический инструментарий для взаимодействия с окружающими государствами, племенами, а также между собой. В нем существенное место занимали клятвы и крестоцелования, что показывает ориентацию на публичную перформативную культуру, в развитии которой ключевую роль играли обряды и их символика.

Политическое искусство в таких условиях чаще всего заключалось в совершенствовании практик, обеспечивавших верность соглашению, скрепленному клятвой¹. Одной из них было представление заложника. В данной статье под этим термином подразумевается лицо, добровольно или вынужденно посланное политическим актором (князем, городом) в лагерь контрапартнера, причем его жизнь и безопасность с момента отправки находились в прямой зависимости от лояльности отправителя, что вынуждало последнего следовать пунктам договора. Без обязательств не могло быть и самого заложника, поскольку нечего было бы гарантировать, следовательно, практика изначально имела временное измерение, определявшееся условиями договора, а предоставляющая сторона не могла прекратить его действие в одностороннем порядке без ущерба для своего человека [Kosto 2012: 25].

Этот политический инструмент хорошо изучен на европейском материале [Lavelle 2006; Kosto 2012; Мельникова 2012: 114–183 (в контексте сравнительного изучения принесения клятв и их функционирования); Bennett, Weikert 2016; Hicklin 2019: 151–176]. Как справедливо отметил Адам Косто, средневековый заложник имел мало общего с современным: его отправляли, а не захватывали, и сегодня вернее было бы назвать его именно гарантом [Kosto 2012: 2–49]. Как правило, для такой роли избирался юный человек, обладавший высоким статусом,

¹ Для сравнения в Скандинавии: [Hermanson 2019: 111–139].

чаще всего это был младший родственник правителя [Ibid.: 31–32; Мельникова 2012: 169]². Практика предоставления заложников была распространена уже в библейские времена, в древнем Ближнем Востоке и раннем Китае, к ней часто обращались в античной Греции, в Римской республике, затем — империи, она широко представлена в библейских текстах [Kosto 2012: 2–5]. Пик ее развития приходится на европейское Средневековье, и она постепенно угасает с развитием в XVI в. устойчивых институтов власти и становлением государственных границ, так как число фигурировавших в политическом пространстве групп, способных предоставлять заложников: династий, независимых городов, племен и народов уменьшается, а отношения, основанные на личных связях, уступают место развитой дипломатии Нового времени [Ibid.: 4]. Начиная с середины XVIII в. политическими заложниками называются те высокопоставленные лица, которые были захвачены во время военных действий с намерением вынудить противоположную сторону к определенным шагам [Ibid.].

Специальные термины для обозначения заложников-гарантов можно найти во многих европейских языках, начиная с античных времен [Lavelle 2006: 270, 273–274; Kosto: 10–19]. В источниках средневековой Руси они называются *талями* [Срезневский 1912: 922; Словарь русского языка XI–XVII вв. 2011: 210]³, хотя нередки случаи, когда описывается политическая практика без использования специального термина. Предоставление *талей* могло быть как односторонним, так и двусторонним, оно сопровождало заключение соглашения между союзниками или мирный договор между враждующими сторонами. Миссия *таля* может быть рассмотрена в политическом, правовом и семейном контексте, его функция близка посольской⁴, так как он представлял свою сторону во вражеском лагере, при этом его положение опасно приближалось к узническому: даже если уровень жизни гаранта был высоким, свобода его передвижений была ограничена, не говоря уже о том, что статусы почетного делегата и заточенного врага могли стремительно поменяться. В этом свете видится целесообразным анализировать

² Однако не всегда такая возможность существовала, например, Е. А. Мельникова отмечает, что часто викинги «не могли предоставить никаких особо знатных лиц» [Мельникова 2012: 169].

³ Близкородственные слова существуют и в других славянских языках. По мнению Р. Мухи, восточнославянское «таль» близко словам, обозначающим молодые части растений: поросли, саженцы, например, лат. *tālea* «саженец, молодая веточка» [Фасмер 1987: 16]. Эти понятия близки слову «дети», которым в ряде летописных ситуаций обозначаются заложники.

⁴ Функция посла в средневековой Руси не сводилась к передаче информации: он был полноценным представителем своего правителя или города, мог решать многие вопросы на месте в зависимости от ситуации [Дашкевич 1991: 100–111].

не только случаи, описывающие практику передачи *талей*, но и более широкий спектр исторических ситуаций, содержащих обмена и захваты представителей взаимодействующих в политическом поле сторон, а также эпизоды, в которых по каким-либо причинам обмен гарантами не происходил.

Практика отправления заложников была значительной частью политики в античных государствах, затем — в Византийской империи [Kosto 2012: 2–5 и далее; Πατούρα-Σπανοῦ 2013: 1397–1421], с раннего Средневековья она фиксируется в европейских странах, в том числе в Скандинавии⁵. Ахмад ибн Фадлан пишет о том, что сын «царя волжских болгар» был заложником в Хазарском каганате [Ахмад ибн Фадлан 2016: 37]. Таким образом, ближайшие соседи Руси были давно и хорошо знакомы с этой традицией. Византийские императоры требовали предоставления почетных заложников при заключении соглашений с различными нехристианскими и недавно крещенными народами. Среди них часто упоминаются печенеги⁶, с которыми тесно взаимодействовали и Рюриковичи в X–XI вв., что, вероятно, повлияло на характер использования этой практики в средневековой Руси. Летописные известия, упоминающие *талей*, содержатся в *Повести временных лет*, *Сuzдальской*, *Киевской*, *Новгородской первой*, *Галицко-Волынской (Хронике Романовичей) летописях* и по характеру могут быть поделены на эпизоды взаимодействия Рюриковичей со степными или другими языческими народами и описания практик взаимодействия средневековых Новгорода и Пскова с различными политическими силами. Поскольку предоставление *талей* имело характер сложившегося ритуала, рассказ о них может отражать как реальную политику, так и представления книжника о том, какой она должна быть. Эта черта летописных описаний позволяет оставить за скобками исследования текстологическую проблематику, так как изображение обрядовых элементов взаимодей-

⁵ Например, *Saga об оркнейцах* рассказывает о том, как Олаф Трюггвасон крестил Оркнейские острова и взял в качестве гаранта того, что ярл и население островов будут придерживаться христианства, сына ярла Сигурда, по прозвищу Хвельп или Хунди ('Собачка'), но тот быстро умер, и тогда ярл Сигурд и его люди вернулись к старой вере. [Orkneyinga saga 1980: 26–27]. Оригинальный фрагмент этой саги утрачен и восстановлен по тексту XVIII в., однако тот же сюжет можно найти в главе 47 *Saги об Олафе Трюггвасоне*. [Heimskringla 2002: 293].

⁶ Например, об этой практике неоднократно говорится в трактате Константина Багрянородного *Об управлении империей*: «Я полагаю весьма полезным для василевса ромеев желать мира с народом пачинакитов, заключать с ними дружественные соглашения и договоры [...] забирать оттуда омиров (ὀμίρωρ), т. е. заложников или поручителей (ὀμιδαρ)» [Константин Багрянородный 1991: 36–37, 42–45 и далее]. Термин ὀμιρ (от *лат.* obses) используется автором для уточнения более широкого слова ὀμιρωρ; в дальнейшем повествовании он предпочитает использовать именно ὀμιρ, что может свидетельствовать о специализации практики в описываемых Константином Багрянородным реалиях.

ствия вряд ли выходило за рамки принятых культурных традиций. При этом нельзя исключать и упоминание *талей* в качестве литературного приема, так как принятие заложника показывало правителя в выгодном свете⁷.

Заложники-гаранты в отношениях Рюриковичей с языческими племенами

Упоминание *талей* появляется в описании взаимодействия первых Рюриковичей с печенегами в легендарии языке прошлого Руси. В статье 944 (6452) г. *Повести временных лет* рассказывается о том, что князь Игорь берет заложников у печенегов перед тем, как идти в поход на Византию: «Игорь же, совкупивъ вои многи: варяги, русь, и поляны, словѣни, и кривичи, и тѣверьцѣ и печенѣги, и тали оу нихъ поя, поиде на греки въ лодьяхъ и на конихъ» [ПСРЛ, 1: 45]. А. А. Горский показал, что перечень племен в войске Игоря мог быть сконструирован летописцем, поэтому и упоминание о заложниках, по словам Е. А. Мельниковой, вероятно является «дополнением летописца, ориентировавшегося на широко распространенную практику его времени» [Горский 2002: 51–53; Мельникова 2012: 170]. Действительно, Константин Багрянородный сообщает, что аналогичным образом василик (византийский чиновник) перед тем, как отправиться в степь, оставляет печенежских заложников на время поездки в крепости Херсонеса или на греческих кораблях [Константин Багрянородный 1991: 42–45]. Однако ничто не мешало самому Игорю использовать эту практику, опираясь на подобные образцы.

Одно из ранних легендарных сказаний *Повести временных лет* показывает, что обмен заложниками мог осуществляться при решении конкретной практической проблемы. В *Сказании о белгородском киселе* жители Белгорода, приглашая осадивших их печенегов посмотреть на изобилие в городе, оставляют заложников-горожан в печенежском лагере перед тем, как делегация из числа этих степняков входит в ворота города: «горожани же рекоша, шедше, печенѣгомъ: “поимете к собѣ тали наша, а васъ до 10 мужъ идете въ градъ и видите, что ся дѣеть въ градѣ нашемъ”» (статья 997 (6505) г.) [ПСРЛ, 2: 113]. Только при помощи предоставления *талей* сама задумка белгородского старца, вокруг которой строится сюжет сказания, могла осуществиться, причем эта практика фигурирует как понятный слушателю инструмент, позволивший враждующим сторонам коммуницировать в процессе осады.

⁷ Например, предполагается, что описание взятия заложников королями Венгрии при завоевании Трансильвании в «Деяниях венгров» — литературный прием, показывающий Арпадов триумфаторами [Kosto 2012: 18].

Наиболее яркий пример двустороннего обмена заложниками в политической истории Руси можно найти в статье 1095 (6603) г. *Повести временных лет*, где рассказывается о том, как Владимир Мономах заключил мирное соглашение («ротъ [...] ходивъ») с двумя половецкими ханами: Итларем и Кытаном. Владимир Всеволодич отдал своего сына, Святослава Владимировича, Кытану в качестве заложника: «и вда Володимеръ Кытанови сына своего Святослава въ тали». Из последующего текста летописи становится известно, что тогда же второй половецкий хан, Итларь, отдал своего сына представителю другой линии Рюриковичей — Олегу Святославичу⁸, так как Владимир и Святополк говорят ему: «а се оу тебе есть Итларевичъ» [ПСРЛ, 1: 227–228]. Развитие событий показывает, что практика обмена заложниками не смогла послужить длительному миру: после заключения упомянутого соглашения Владимир Всеволодич дал разрешение Славяте и Ратибору с военными отрядами убить Кытана, Итларя и их людей, а затем Святополк и Владимир отправились в поход на половецкие вежи. Олег же сохранил жизнь сыну Итларя и уклонился от участия в военной кампании [Ibid.]. Описанная система обмена *талями* подразумевала равный вклад сразу нескольких участников: своих детей в чужие руки отдавали и князья Руси, и половецкие ханы, с каждой стороны были задействованы две правящие семьи (при выраженной внутренней конфронтации семейств Владимира Мономаха и Олега Святославича). Очевидно, целью этого обмена было достижение баланса между несколькими политическими силами степи и Руси.

Несмотря на неудачу этого соглашения, обмен заложниками вновь произошел при заключении мира между Рюриковичами и половецкими князьями у Сакова: «и створиша миръ с Половци и пояша тали межю собою месяца сем(тября) въ 15 д(е)нь» (статья 1101 (6609) г.) [ПСРЛ, 1: 275]. Летописец не раскрывает подробностей этого обмена, не говорит он и о том, что в состав группы *талей* входили младшие родственники правящих князей, как в предыдущем эпизоде. Известно, что при обмене заложниками между византийскими чиновниками и печенегами первые предоставляли своих людей [Константин Багрянородный 1991: 44–45], возможно, схожий состав гарантов был и в этой ситуации. Если

⁸ Летописец говорит о том, что Кытан, при котором находился сын Владимира Мономаха, уже после заключения соглашения с Рюриковичами продолжал стоять лагерем между валами рядом с Переяславем, в то время как Итларь находился в городе и, очевидно, предполагал продолжить общение с Рюриковичами. Неизвестно, на какое время Святослав Владимирович был бы отправлен к половцам, разрешись эта ситуация благополучно. Возможно, при окончательном отъезде степняков, он мог быть заменен на другого гаранта, так как домонгольские летописи не содержат информации о длительном пребывании какого-либо молодого Рюриковича у половцев в качестве почетного заложника.

соглашение происходило между правителями крещенного и некрещеного народов, то вопрос доверия словам противоположной стороны был наиболее острым. Рассматривая соглашения между половцами и Рюриковичами, П. С. Стефанович приходит к выводу, что клятвы, которые произносились при их заключении, «стояли вне христианской традиции» [Стефанович 2004: 113], однако не менее вероятно, что они произносились каждым участником в соответствии с обрядом его собственной религии, как это описано в договорах Руси с греками [Мельникова 2012: 153–154]. Очевидно, именно проблема доверия клятве иноверца определила отсутствие упоминания в летописном тексте о самом обряде, вместо которого книжник указывает на использование практики обмена заложниками, так как благодаря своей универсальности, она представлялась действенной обеим сторонам.

Принятие Рюриковичами гарантов от побежденных языческих противников можно видеть в рассказе *Галицко-Волынской летописи (Хроники Романовичей)* о походе Даниила Романовича на ятвягов и победе князя над ними в 1254/55 г. Ятвяги посылают *талей*, чтобы заключить мирное соглашение и обеспечить безопасность захваченных во время военного похода пленников: «наоутрѣя же приѣхаша ятвязѣ, дающе таль и миръ, молящєся, дабы не избиль колодниковъ» [ПСРЛ, 2: 835; МРН, XVI: 372–373]. В руках Даниила оказываются как ятвяги, захваченные ранее, — *колодники*, так и *тали*, приехавшие добровольно позже. Последние в определенном смысле гарантируют сохранность жизни первых: как демонстрируют примеры, приведенные выше, само появление заложников маркировало начало перемирия и тем самым служило делу безопасности пленников. Когда князь начинает думать о следующем походе, ятвяги дополнительно отправляют к нему послов, а также младших родственников, названных *дѣтьми*, — очевидно, под этим словом подразумевается вторая группа заложников: «ятвязи се, послаша послы своя, и дѣти своя, и дань даша [...]» [Ibid.]. При помощи практики предоставления заложников, являвшейся универсальным атрибутом мирного соглашения, ятвяжские правители замораживают конфликт и останавливают новое наступление Даниила.

Итак, различные по характеру и времени написания летописные тексты — легендарные сюжеты и сказания начала *Повести временных лет*, изложение первого опыта взаимодействия Рюриковичей с половцами в записях о событиях рубежа XI–XII вв. той же летописи и рассказ о походе на ятвягов *Галицко-Волынской летописи (Хроники Романовичей)* XIII в. — показывают использование практики отправления заложников при взаимодействии правителей Руси с язычскими, чаще — степными племенами. Использование этой практики в рамках

кросскультурного, межрелигиозного взаимодействия было возможно благодаря ее универсальности, а спектр использования охватывал как краткие перемирия, так и обеспечение безопасности или лояльности на длительное время. Характерно, что *Киевская летопись*, подробно рассказывающая о взаимодействии Рюриковичей с черными клобуками, торками и дикими половцами начиная со второй трети XII в., не упоминает об официальных обменах гарантами в рамках этого общения, а это свидетельствует о том, что означенные племена стали уже в достаточной мере «своими» правителям Руси и взаимодействие с ними происходило при помощи других социально-политических инструментов.

Заложники в политике Северо-Западной Руси в XII–XIII вв.

Еще одно политическое направление, в котором практика предоставления заложников-*талей* начинает активно проявлять себя уже в XII в., — это взаимодействие Новгорода с Рюриковичами. И новгородский, и киевский летописцы фиксируют множество политических практик, обеспечивавших взаимодействие правителей Руси с этим городом: дипломатические миссии, отправление заложников, представительство (в том числе участие бояр нескольких конкурирующих групп в одной делегации), военный захват, а также добровольную выдачу горожан-противников князя в оковах [подробный обзор некоторых из них: Гимон 2006: 291–333; Гиппиус 2004: 164–182]. Это разнообразие было результатом наличия в городе различных политических сил, согласие между которыми часто сменялось конфронтацией. Предоставление заложников в этих условиях было наиболее эффективно, так как давало князю определенные гарантии в долгосрочной перспективе, особенно если в число делегатов входили младшие родственники как лояльных ему, так и оппозиционных семей. При этом необходимо учитывать, что и сами видные новгородцы или политические группы города могли менять свою стратегию по отношению к Рюриковичам или другим акторам, а также оставаться нейтральными при рассмотрении определенных вопросов. Кроме того, отправление киевским, черниговским или владимирским князем своего сына, брата, зятя или шурина на новгородский стол было по своей сути близко практике предоставления заложников, так как младший представитель династии Рюриковичей, находившийся в Новгороде, и сам был гарантом военных, торговых и политических договоренностей города со своим старшим родственником.

Первое упоминание *талей*, отправленных в рамках взаимодействия Новгорода с династией Рюриковичей содержится в *Суздальской летописи*, где под 1139/40 (6647) г. говорится о том, что новгородцы прогнали от себя Ростислава Юрьевича, но прислали к Всеволоду Ольговичу,

прося его брата Святослава, при этом к князю были посланы «дѣти» новгородцев в качестве *талей*: «Того же лѣта пустиша новгородци Гюргевича от себе, а ко Всеволоду пустиша дѣти своѣ в тали, рекуще: “Пусти к намъ Святослава!” И посла к нимъ Святослава княжитъ» [ПСРЛ, 1: 308]. Рассматривая хронологию событий, Н. Г. Бережков предположил, что это сообщение, уникальное для *Суздальской летописи* и отсутствующее в *Киевской* и *Новгородской первой летописях*, было заимствовано со значительными изменениями из близкого по характеру событий эпизода статьи следующего, 1140/41 (6648) г. *Киевской летописи* [Бережков 1963: 57–58]. В нем описана ситуация, когда правление Святослава Ольговича вызвало неудовольствие в Новгороде, на что Всеволод «посла к нимъ Ивана Воитишича, прося оу нихъ моужь лѣпшихъ», а посол, «поймавъ ѣ, приведеъ къ Всеволоду», и киевский князь «хотышетъ послати сына своего, Святослава» [ПСРЛ, 2: 307, ср.: НПЛ: 26]. Как можно видеть, в этом сообщении также упоминается делегация новгородцев в Киев, которая и стала, с точки зрения ученого, образцом для сообщения о *талях* в статье 1139/40 (6647) г. *Суздальской летописи*. Однако с тем, что упомянутое сообщение искусственно составлено из фрагментов *Киевской летописи* трудно согласиться, так как налицо значительная разница в деталях миссий: под 6647 годом в *Суздальской летописи* в Киев едут «дѣти» — младшие родственники бояр, под 6648 годом в *Киевской* — «лѣпшие мужи». Это противоречие Н. Г. Бережков объясняет тем, что с точки зрения составителя летописи, «требовать и получать в заложники приличествовало не столько самих “муж лучших”, сколько их сыновей», поэтому автор *Суздальской летописи* «записал, что “в тали” были даны “дети” (не в смысле, конечно, малолетних детей)» [Бережков 1963: 58].

Однако в *Суздальской летописи* эпизод отправления новгородского посольства (второго по счету) к Всеволоду за сыном все же присутствует в статье 1140/41 (6648) г., хотя и без упоминания заложников: «Новгородци выгнаша Святослава, а ко Всеволоду прислаша епископа с мужи своими, рекуще: “даи намъ сынъ свои”» [ПСРЛ, 1: 308]. Таким образом, в *Суздальской летописи* упомянуты две делегации новгородцев к Всеволоду, первая предоставляла *талей* — она отмечена под 6647 годом (посольство за Святославом Ольговичем), вторая имела целью торжественное сопровождение нового князя и зафиксирована в статье 6648 г. (посольство за Святославом Всеволодичем)⁹.

⁹ Также Н. Г. Бережков обращает внимание на то, что захваченные послы, согласно *Лаврентьевской летописи*, были при киевском дворе «зимоу же и лѣто» [ПСРЛ, 1: 308; ПСРЛ, 2: 308], хотя, если речь идет об упомянутых *талях*, то они должны были находиться у Всеволода более двух лет [Бережков 1963: 59]. Однако очевидно, что летописец имеет в виду именно послов второй

Автор статьи 1139/40 (6647) г. *Суздальской летописи* однозначно показывает инициативу предоставления заложников со стороны новгородцев, что неудивительно: таким образом они давали гарантии будущего благополучного правления однажды уже изгнанному князю [НПЛ: 25]. Новгородцы и раньше участвовали в соглашениях с Рюриковичами¹⁰, но упоминание об отправлении заложников появляется впервые. Очевидно, под словом «дѣти» здесь подразумеваются младшие родственники новгородцев. Они могли быть избраны среди противников Ольговичей, что было бы близко практике выдачи княжеских оппонентов, или из семей разной политической ориентации, что служило бы подтверждением консенсуса новгородской элиты.

Новгородская первая летопись, рассказывая о просьбе новгородцев прислать Святослава Ольговича в 1139/40 (6647) г., действительно ничего не говорит о заложниках, вероятно потому, что эта практика, особенно односторонний ее характер, могла рассматриваться городской элитой как унижительная, однако упоминает роту¹¹: «И послашася новгородци Киеву по Святослава по Олговиця, заходивъше ротѣ; и бѣ мятежъ в Новѣгородѣ, а Святослав дълго не бяше» [НПЛ: 25]. Совершенно иначе эта летопись описывает цель делегации новгородцев за Святославом Всеволодичем в 1140/41 (6648) г. (в чем совпадает с *Суздальской летописью*) — торжественное сопровождение нового князя из Киева в Новгород авторитетными боярами: «и яко послаша епископа по сына его, и много лепшихъ людий [...]». А после их захвата киевским князем упоминает в числе задержанных кроме епископа и новгородских купцов еще и послов [НПЛ: 26]. Это уточнение говорит о том, что поездка изначально мыслилась как дипломатическая, однако отправленные новгородцы поневоле стали заложниками-гарантами лояльности города.

В XII–XIII вв. *Новгородская первая летопись* нередко рассказывает о дипломатической практике, схожей с предоставлением заложников,

делегации, отправленных с приглашением Святославу Всеволодичу (говорится, что их возглавлял епископ). Кроме того, подобное указание не обязательно подразумевало весь срок заточения, а скорее фиксировало положение дел на данном этапе.

¹⁰ По всей видимости, первое соглашение было заключено новгородцами с Всеволодом Мстиславичем в 1117 г., суть его сводилась к пожизненному княжению Всеволода на новгородском столе. Его отец, Мстислав Великий, не был скован подобными обещаниями, хотя «еще в 1102 г. новгородцы настаивают на своем праве не отпускать своего князя по требованию великого князя» [Янин 2003: 89–90]. 1117 год и является исходной точкой «вольности в князьях» Новгорода [Ibid.].

¹¹ Возможно, под этим термином в данный период подразумевался именно вариант клятвы с предоставлением заложников — так же называется и соглашение Владимира Мономаха с половецкими ханами под 1095 годом.

но имеющей свою специфику. Речь идет об отправлении представителей города с Рюриковичем ко княжескому двору с последующим одариванием делегатов и скорым возвращением в Новгород, что должно было продемонстрировать союзнические намерения обеих сторон. При этом книжник неоднократно подчеркивает, что именно князь забирает новгородцев из города и ведет их с собой. Так, в 1118 г., после смерти Дмитра Завидича, Владимир Мономах и его сын Мстислав Владимирович приводят представителей разных групп и семей Новгорода — «вся бояры новгородьскыя» [НПЛ: 21] — в Киев, где эти новгородцы целуют крест князьям. Затем князья отпускают бояр, но не всех: «и пусти я домовъ, а иныя у себе остави». Оставлены были те, кто «грабили Даньслава и Ноздрьчю», чем вызвали гнев Владимира Мономаха и его сына, поэтому оказались в оковах: «и затоци я вся» [НПЛ: 21; Гимон 2006: 313–316]. Такой исход поездки показывает, что в ней участвовали представители семей, руководствовавшихся различной политической стратегией¹².

Под 1215 годом описывается представительская поездка группы бояр с суздальским князем Ярославом Всеволодичем в Торжок, положение участников которой приближалось к заложникам — князь «поимя» их «съ собою» [НПЛ: 54]. Среди делегатов были: Твердислав Михалкович — сторонник Мстислава Мстиславича, Сбыслав — приверженец суздальских князей, Семен Борисович — противник их влияния в Новгороде¹³. Участие в посольстве разных боярских групп показывало состоятельность представления ими Новгорода как политического актора, по-видимому, такая поездка носила принудительный характер, и могла закончиться как миром, так и заточением. Однако в 1215 г. путешествие новгородцев завершилось благополучно, они не остались надолго, а князь, их «одаривъ, присла въ Новъгородъ» [НПЛ: 54], хотя спустя некоторое время Ярослав Всеволодич захватывает несколько новгородских посольств, в том числе Семена Борисовича, а также сына Твердислава Михалковича — Степана и др. [НПЛ: 54].

Новгородцы, совершавшие подобного рода поездки, не называются *талями* и осуществляют более широкие представительские задачи, однако функционально их миссия максимально приближена к заложнической — они публично обеспечивают лояльность Новгорода: под

¹² Как отмечает В. Л. Янин, летопись описывает столкновение территориальных групп бояр, причем жертвами стали жители Неревского конца, где упоминается Даньславля улица с церковью Св. Димитрия, в конце XII в. названная «Ноздрьчиной» [Янин 2003: 102].

¹³ Кроме того, упомянутые бояре происходили из разных концов: Твердислав Михалкович — с Прусской улицы, Семен Борисович — со Славенского конца [Гимон 2006: 311–312, с историографией].

1118 годом летописец упоминает совершенное ими крестоцелование, под 1215 — процесс одаривания, который, очевидно, был материальным и символическим подтверждением дружественности княжеских намерений. Промежуточный статус делегатов приближал их одновременно и к дипломатическим представителям, и к *талям*. Известно, что даже новгородский посол легко мог оказаться заложником-гарантом поневоле, как, например, Мирошка Нездинич, отправившийся в дипломатическую поездку к суздальскому князю Всеволоду Юрьевичу в 1195 г. и задержанный им на два года, причем он и другие послы, Иванко и Фома, были принуждены сопровождать князя в военном походе на Чернигов [НПЛ: 42–43; Гимон 2006: 307–310; Гиппиус 2004: 178–179]. Таким образом, суздальский князь насильно вынудил захваченных новгородских послов выполнять функции гарантов.

Изучая взаимодействие новгородцев с суздальскими князьями, В. Л. Янин пишет, что политические объединения Новгорода не были сформированы по кончатскому принципу: «Линии политического размежевания в 1220-х и 1230-х прошли не по границам традиционных сообществ, а по частоколам усадеб одной и той же улицы» [Янин 2003: 200]. С ним не согласился Т. В. Гимон, который, рассмотрев составы делегаций новгородцев, выступавших в качестве послов, заложников или почетных гостей в *Новгородской первой летописи*, сделал вывод о том, что с начала XIII в. можно с достаточной четкостью увидеть воплощение идеи «паритетного представительства» древнейших центров Новгорода: Неревского, Людина (и Прусской улицы) и Славенского концов. В этом исследователь продолжил рассуждения А. А. Гиппиуса, отметившего, что в составе делегации Мирошки Нездинича находились участники, чьи усадьбы располагались в разных концах Новгорода, причем они отпускались князем попеременно [Гиппиус 2004: 178–179]. Несомненно, что историческая принадлежность к определенному концу играла существенную роль в политических пристрастиях новгородца. Однако политическая картина, созданная по территориальному принципу, может быть нечеткой из-за многих факторов. Так, некоторые знатные семьи Новгорода вынужденно или добровольно меняли адрес своей усадьбы, как, например, это сделал Семен Борисович, переселившийся с Людина конца на Славно после разгрома Мирошкиничей в 1207 г. (вероятно, его далекие предки ранее уже жили в Славенском конце) [Гиппиус 2006: 104–106]. Кроме того, ничто не мешало знатым семьям иметь несколько усадеб в разных концах. Очевидно, были и случаи изменения отношения новгородского боярина или его семьи к тому или иному князю или соблюдения нейтралитета. Так, например, Якун Мирославич и Судила Иванкович изначально относились к про-

тивоборствовавшим политическим группам, но вместе нашли кров у Юрия Владимировича в Суздале после неудач [НПЛ: 26]. Представляется, что наиболее существенным аспектом в выборе новгородца для поездки было его отношение к князю или другому политическому актору в момент отправления делегации, ведь именно присутствие (даже вынужденное) оппонентов князя должно было свидетельствовать о достижении внутреннего консенсуса и готовности города принять Рюрика в качестве правителя.

Выбор новгородцами той или иной линии поведения опирался на непосредственную выгоду, в том числе торговые возможности, а также экспансионистские перспективы, реализация которых была связана в этот период с военными возможностями суздальских князей, что и обеспечивало последним лояльность значительной части новгородских бояр. Суздальскому влиянию противостояли те круги элит, которые не желали слишком сильных позиций в городе этой линии Рюриковичей, предпочитая приглашать разных князей и заключать договоры с другими политическими акторами. Как следствие, в конце XII — начале XIII в. суздальские князья все чаще требуют выдачи тех новгородцев, которые ранее выступали против них, в плен, а для предотвращения таких выступлений — заложников. Однако эти запросы не всегда удовлетворялись городом, и тогда князь медлил с отправлением в него своего сына, который оказался бы в уязвимом положении. Например, в 1224 г., пытаясь договориться с Юрием Всеволодичем о том, чтобы тот отправил в Новгород своего сына («пусти к намъ дѣтя»), новгородцы отклоняют требование суздальского князя выдать взамен группу горожан, среди которых Яким Иванович — вероятно, сын посадника Иванка Дмитровича, за которого новгородцы, по их словам, готовы стоять до последнего: «[...] хотѣша умрети за Святую Софию о посадницѣ о Иванцѣ о Дмитровици» [НПЛ: 64]. Юрий сопровождает требование угрозой: «а я поилъ есмь коне Тъхвѣрю, а еще Волховомъ напою», на что новгородцы укрепляют оборону города, и посылают к нему послов со словами: «братьи своеи не выдаваемъ» [НПЛ: 64]. Юрий в ответ не выступает против Новгорода, хотя «много имъ пакостивъ», берет выкуп и отправляет в город своего шурина, черниговского князя Михаила Всеволодича. Таким образом, никаких тяжелых последствий «невыдача» князю новгородцев не имела. В. Л. Янин пишет, что, по всей видимости, суть соглашения сводилась к взаимным уступкам [Янин 2003: 195]. Близкий эпизод можно видеть несколько позже в 1228 г., когда брат Юрия, Ярослав Всеволодич, подходит к Пскову и требует выдать своих противников: «тѣхъ, кто мя обадилъ к вамъ», но жители Пскова отказываются, используя ту же формулировку, что и новгородцы: «а братьи своеи не

выдаемъ» [НПЛ: 66]. Судьба новгородцев и псковичей, которых требовал князь, фактически предполагала пленение, однако не обязательно последующую физическую расправу, а учитывая, что решение о выдаче принималось городским сообществом, их статус в случае положительного решения был бы близок заложникам, гарантировавшим лояльность города.

К началу XIII в. практика отправки новгородцев-гарантов упоминается в *Новгородской первой летописи* все чаще даже при очевидных мирных намерениях князя. При этом прослеживается ее двусторонний характер: новгородцы едут с Рюриковичем взамен на оставление им сыновей или других родственников в Новгороде. Например, когда в 1217 г. Мстислав Мстиславич уходит из Новгорода в Киев, он оставляет в городе свою супругу и сына Василия, а забирает с собой новгородцев, в том числе только что свергнутого посадника «Гюргя Иванковиця, Сбыслава Степаниця, Ольксу Путиловиця» [НПЛ: 57]. На такое же «символическое»¹⁴, по словам В. Л. Янина, правление в 1221/22 г. новгородцы приглашают в город Всеволода Юрьевича, тогда еще семилетнего княжича [Янин 2003: 194]. В 1228 г. Ярослав Всеволодич уезжает из Новгорода в Переяславль и оставляет в городе двух сыновей: «тѣгда же Ярослав [...] остави 2 сына своя, Феодора и Альксандра» [НПЛ: 66]¹⁵. При княжичах находились люди Ярослава: Федор Данилович и тиун Яким. Два малолетних князя присутствуют в городе как представители своего отца, как гаранты его возвращения и участия в делах и нуждах города, хотя, конечно, еще и как потенциальные правители в будущем. Любопытно, что, описывая отъезд Ярослава Всеволодича в 1228 г. из Новгорода, где оставались молодые княжичи, летопись не сообщает о том, что князь *сам* хотел получить гарантов со стороны новгородцев — видимо, авторитет Ярослава в городе был еще довольно шатким и он не стал выдвигать подобные требования. Спустя время это обстоятельство постави-

¹⁴ Т. е. княжич «символизирует» правление своего отца. Исходя из контекста летописи мне кажется правильнее называть его «представителем», по основной функции.

¹⁵ По словам В. Л. Янина, Ярослав Всеволодич, «став князем в Новгороде [...] остается князем и в Переяславле, посещая Новгород лишь в связи с военными операциями» [Янин 2003: 196]. В этом смысле оставление им в городе сыновей еще более приближает их к статусу почетного гаранта. О том же говорит и возраст князей: старшему из них было 9 лет. В. Л. Янин характеризует их присутствие в Новгороде как «материализованную идею суверенитета Ярослава над Новгородом» [Ibid.], хотя очевидно, что именно правителю-созерену полагалось принимать у себя гарантов, а не наоборот. Сам В. Л. Янин далее отмечает, что взаимодействие города и князя часто приближалось к равноправному: «В союзнических отношениях Новгород мог признавать суверенитет князей, но он мог также настаивать и на полном равенстве отношений» [Янин 2003: 197]. Оставление малолетних сыновей в качестве гарантов лояльности князя в столице Новгородской земли также характеризует их как равные.

ло его сыновей в небезопасное положение: зимой 1228/29 г. настроения в городе изменились и под удар попали сторонники Ярослава: Вячеслав Гориславич теряет должность тысяцкого, ее получает противник суздальских князей — Борис Негочевич¹⁶, двор Вячеслава, а также его брата Богуслава и других сторонников Ярослава разоряются¹⁷. Отношения Новгорода с Ярославом разорвались не сразу: к нему было отправлено посольство с новыми условиями, при отказе от которых обе стороны освобождались от обязательств: «ты себе, а мы себе» [НПЛ: 67]. Князь ничего не ответил, но тиун Яким и Федор Данилович спешно вывезли Федора и Александра Ярославичей¹⁸.

На следующем этапе взаимодействия Новгорода с Рюриковичами в город приезжает черниговский князь Михаил Всеволодич. Его общение с городской элитой показано в летописи со значительными подробностями, раскрывающими некоторые аспекты предоставления заложников-гарантов. Когда этот князь, в свою очередь, должен был покинуть Новгород и отправиться в Чернигов в том же 1229 г., он также оставляет в городе своего малолетнего сына — Ростислава¹⁹, однако при этом забирает с собой младших родственников известных новгородских семей. Они не названы в летописи *талями*, а перечислены поименно, что позволяет выделить среди них представителей разных групп боярства — сторонников черниговского князя Михаила, приверженцев Ярослава Всеволодича и лидеров боярства, проводивших сбалансированную политику: «томъ же лѣтѣ поиде князь Михаилъ въ Църниговъ къ братыи, пойма съ собою новгородце: Богуслава Гориславиця²⁰,

¹⁶ «Тѣгда отяша тысяцьское у Вячеслава и даша Борису Нѣгочевичу» [НПЛ: 67].

¹⁷ Конфликт был инициирован недовольством новгородцев владыкой Арсением и его связями с Ярославом, поэтому гнев новгородцев в первую очередь пал на людей, связанных с архиепископом: был разорен двор стольника архиепископа и двор «Давыдковъ Софійскаго» (судя по эпитету, также связанного с епископом). А также на Душильца — старосту церкви Николы на Липне (который, видимо, также был связан с владыкой), однако он успел бежать к Ярославу [НПЛ: 67]. Д. Г. Хрусталев замечает, что были разгромлены дворы сторонников Ярослава, при этом не тронут двор самого посадника, Иванка Дмитриевича: «[А]вторитет посадника [...] был настолько высок, что на него оппоненты пока покуситься не решились» [Хрусталев 2009: 172]. Однако можно предположить и что сам Иванко Дмитриевич занимал более сдержанную позицию, проводя сбалансированную политику, поэтому в меньшей степени ассоциировался с тем или иным князем. Тысяцкого же Вячеслава летопись неоднократно упоминает при Ярославе Всеволодиче, так что его лояльность этому князю не вызывает сомнений [НПЛ: 66].

¹⁸ Что, однако, вызвало удивление новгородцев, которые, согласно их собственным словам, занимались устранением внутренних противоречий: «а мы ихъ не гонили, нѣ братью свою есме казнили; а князю есме зла не створили никотораго же» [НПЛ: 67].

¹⁹ Затем в 1230 г. Михаил Всеволодич ненадолго возвращается в Новгород, чтобы совершить постриги своему сыну Ростиславу.

²⁰ Брат Вячеслава Гориславича — тысяцкого князя Ярослава Всеволодича.

Сбыслава Якунковица²¹, Домаша Твърдиславица²², Глѣба²³, посадниць сынъ²⁴, Михаилка Микифоровицъ²⁵, Михалѣ Прикупова²⁶, а сына своего Ростислава остави Новѣгородѣ», причем князь надеялся вернуть его: «а мнѣ [...] даи Богъ исправити правда новгородская, тоже от вас пояти сына своего» [НПЛ: 68]. Очевидно, он понимал, насколько высока вероятность, что новгородцы возобновят отношения с Ярославом Всеволодичем, и не был уверен, что сможет быстро вернуться на север. Летописный текст отчасти позволяет проследить судьбы отправленных с Михаилом в Чернигов новгородцев после смены настроений в городе и расторжения договора с черниговским князем. Двое участников делегации благополучно возвращаются в Новгород, это Домаш Твердиславич и Сбыслав Якунич — оба они участвуют в последующих военных кампаниях Александра Ярославича [НПЛ: 78, 293]. Княжич Ростислав Михайлович вернулся невредимым через Торжок к отцу в Чернигов²⁷,

²¹ Будущий посадник и участник Невской битвы, боярин Прусской улицы, упоминается в списках посадников, в делегации новгородцев к князю Ярославу в 1216 г. [Янин 1991:15; НПЛ: 54, 293].

²² Брат посадника Степана Твердиславича, сын Твердислава Михалковича, противник Внезда, боярин Прусской улицы, погиб во время битвы на Чудском озере [НПЛ: 78; Гимон 2006: 312]. В. Л. Янин пишет о том, что побег Якимы к Ярославу Всеволодичу говорит о прямой связи Степана Твердиславича с этим князем [Янин 2003: 199]. Однако такой побег во спасение жизни не обязательно свидетельствует о наличии устойчивых политических связей: часто в критической ситуации так поступали прежде нелояльные правителю бояре [НПЛ: 25–26]. Степан Твердиславич действительно стал посадником при Ярославе [НПЛ: 70], однако занятие этой должности может обозначать как расширение власти Ярослава, так и политический компромисс города и князя, что более отвечает контексту данной ситуации.

²³ Брат Семена Борисовича — противника суздальских князей и сторонника черниговского князя Михаила Всеволодича, затем он упоминается как «Глѣбъ, Сменовъ брат (Борисович)», убит при взятии Торжка [НПЛ: 71, 280; 76]. В этот период семейство Семена Борисовича уже жило в Славенском конце.

²⁴ Петр — сын Внезда Водовика, яркого сторонника черниговского князя Михаила Всеволодича [НПЛ: 71] и представителя Славенского конца [Гимон 2006: 310]. Внезд — известное боярское имя, так звали брата Мирошки Нездинича. Об этой семье — в статье А. А. Гиппиуса [Гиппиус 2006: 93–108].

²⁵ Вероятно, сын упомянутого выше Микифора Тудоровича — противника суздальского князя [НПЛ: 54, 64].

²⁶ Можно предположить, что это его двор затем подвергся разорению сторонниками Ярослава: «Водовиковъ двор и села, и брата его, Михалѣ, и Даньслава» [НПЛ: 70]. Летописный текст позволяет предположить, что это брат Внезда Водовика, отчество которого неизвестно (Водовик — прозвище), однако это маловероятно, так как в других упоминаниях не говорится о его родственных связях с Внездом, а характер записей разделяет их [НПЛ: 71]. Возможно, с ним связан «Прикупович двор» на Торговой стороне [Гимон 2006: 312].

²⁷ «На ту же зиму поиде княжиць Ростислав съ посадникомъ Вънездомъ на Тържкъ [..] а княжицю Ростиславу [новгородцы. — М. Л.] путь показаша с Торожку къ отцеви въ Църниговъ» [НПЛ: 70]. В. Л. Янин пишет, что Ростислав был изгнан из-за того, что был слишком юн, чтобы возглавить поход, обещанный Михаилом

а те из новгородцев, которые были сторонниками Михаила, не только оставались при нем, но и сохранили жизнь и здоровье благодаря этому путешествию, так как в самом Новгороде приверженцы черниговского князя и их родственники подверглись опале в 1230 г. [НПЛ: 70]²⁸: новгородцы убили наиболее яркого противника суздальского князя Семена Борисовича, а его жену захватили: «домъ его весь розграбиша и села, а жену его яша» [НПЛ: 70]. Вероятно, если бы Михаил вернулся в Новгород как правитель, то состоялся бы почетный возврат новгородцев в город, а Ростислава — отцу.

Сменивший Михаила Ярослав Всеволодич в момент своего очередного ухода из Новгорода в Переяславль не только вновь оставляет двух сыновей, Федора и Александра, но на этот раз забирает с собой гарантов лояльности Новгорода: «поя съ собою мужи новгородскыя моложьшая» [НПЛ: 70]. Летопись не раскрывает, кем были эти новгородцы и сколько времени они провели при князе, однако эпитет «младшие» однозначно указывает на юных родственников новгородских бояр. Хотя последние не называются напрямую *талями*, обстоятельства и возраст говорят о их принадлежности к этой группе.

Под 1236 г. *Новгородская первая летопись* также сообщает, что, уезжая в Киев, Ярослав Всеволодич забирает новгородцев. В этом эпизоде заложники-гаранты обозначаются как «вятские» мужи, т. е. авторитетные бояре, они перечислены поименно, также были отправлены сто новоторжцев: «поиде князь Ярославъ изъ Новагорода Киеву на столъ, пойма съ собою новгородци вятшихъ: Судимира въ Славнѣ, Якима Влунковича, Косту Вячеславича, а новоторжець 100 муж; а в Новѣгородѣ посади сына своего Олександра» [НПЛ: 74]. Разбирая этот сюжет, Т. В. Гимон обнаружил, что упомянутые новгородцы происходили из разных новгородских концов: «Судимир — представитель Славна», Коста Вячеславович был «сыном Вячеслава Прокшинича и представителем семейства Малышевичей, которое однозначно локализуется в Неревском конце» [Гимон 2006: 310]. Менее уверенно можно говорить о Якиме Влунковиче, однако по косвенным признакам можно предположить, что он был представителем Прусской улицы [Ibid.]. Таким образом, выбор гарантов осуществлялся по принципу кончатского

Всеволодичем [Янин 2003: 199], однако мне представляется более справедливым, что новгородцы отпускают его как гаранта Михаила, так как сам князь должен был вернуться и снарядить этот поход. Поскольку Михаил этого не сделал, договор считался расторгнутым, а княжич-гарант возвращен.

²⁸ В. Л. Янин считает, что гаранты успели вернуться в Новгород, так как пишет о их последующем бегстве вместе с Внездом Водовиком и Борисом Негочевичем из Новгорода в Чернигов [Янин 2003: 199]. Однако летопись их имен не упоминает, говоря просто: «Водовикъ, то зло услышавъ, побеже съ Торжку съ братьею, и Борис тысяцьскыи, и новоторжьчи къ Михаилу въ Черниговъ» [НПЛ: 70].

представительства. Показательно, что среди заложников-гарантов упоминаются жители не только Новгорода, но и Торжка. Кроме того, здесь наконец летописец поясняет их дальнейшую судьбу: гаранты не остаются в Киеве надолго: князь «державъ новгородцевъ и новоторжцевъ одну недѣлю», а затем возвращаются домой «здрави вси», причем говорится, что князь перед отправлением одарил их [НПЛ: 74]. Краткость этой миссии и упоминание о получении боярами даров от князя делает ее мало отличимой от рассмотренных выше торжественных делегаций представителей города, сопровождавших князя из Новгорода [НПЛ: 21, 54] и отделяет от, собственно, поездок заложников, выдаваемых в подтверждение лояльности.

Захват заложника-пленника

В описании дальнейшей судьбы уцелевших новгородских сторонников черниговского князя Михаила Всеволодича можно видеть ситуацию, когда противоборствующие стороны обмениваются заложниками в современном смысле слова, захваченными ранее в одностороннем порядке. Сподвижники Михаила Всеволодича, названные в летописи по имени отца Семена Борисовича «Борисова чадь», возвращаются в 1232 г. с новым претендентом на новгородское правление — трубчевским князем Святославом Всеволодовичем и, видя, что ситуация в городе уже окончательно сложилась не в их пользу, едут в Псков, где неожиданно захватывают тысяцкого Ярослава Всеволодича — Вячеслава Гориславича, бьют его и заковывают в кандалы. Ярослав, узнав об этом, возвращается из Переяславля, и, в свою очередь, задерживает псковских купцов, находящихся в городе, которые также становятся заложниками-пленными. Князь требует от псковичей освободить Вячеслава, однако те не сразу выдают его, а сначала требуют вернуть жен Борисовой чади: «прислите к нимъ жены ихъ, и товаръ, тоже мы Вячеслава пустимъ; или вы собѣ, а мы себе» [НПЛ: 72]. В этом требовании раскрывается смысл агрессивного шага изгнанных бояр. Действительно, жены и другие члены семьи чаще всего оказываются в лагере противника в качестве невольных, насильно захваченных заложников²⁹, причем это касалось и горожан, и князей³⁰. Жены Борисовой чади попали в тяжелое

²⁹ В. Л. Янин пишет, что члены Борисовой чади «побросали» «своих жен» во время бегства в 1230 г. [Янин 2003: 200], но, например, Глеб Борисович, очевидно, простился с супругой, еще отправляясь в Чернигов. Характерно, что жена его погибшего брата, Семена Борисовича, оставалась в Новгороде, хотя была тесно связана с Борисовой чадью [НПЛ: 74].

³⁰ При запланированном бегстве из Новгорода, бояре брали жен и детей с собой, например, перед Липицкой битвой сторонники Ярослава Всеволодича бегут «и съ женами, и съ дѣтьми» [НПЛ: 55, ср. также: НПЛ: 77–78]. После той же Липицкой

положение отчасти именно потому, что их родственники ушли с черниговским князем Михаилом как заложники-гаранты и теперь их судьба определялась развитостью практик обмена и представительства. После некоторой задержки в выполнении условий, вызвавшей голод в Пскове, обмен состоялся: «и пустиша Вячеслава; князь пусти к нимъ жены: Борисовую, Глѣбовую, Мишиную, а мира не взя» [НПЛ: 72]. Псковичи прогоняют Борисову чадь, просят у Ярослава сына Федора, но он приглашает к ним своего шурина, Юрия Мстиславича [Ibid.]. Таким образом, Псков выступил в этой ситуации не противником владимирского князя, как это обычно представляется³¹, а третьей стороной — медиатором, обеспечившим безопасность одной из сторон и диалог с другой, чем способствовавшим тому, чтобы обмен состоялся, хотя и за выполнение этой функции город заплатился экономической блокадой, а также пленением своих горожан, бывших в Новгороде, ставших еще одной группой заложников в этой череде захватов.

Тали в политике Пскова

Как можно видеть, политика Пскова характеризуется в конце XII — первой половине XIII в. все большей самостоятельностью. В связи с упомянутым выше приходом в 1228 г. Ярослава Всеволодича с войском к Пскову, этот город расторг договор с Новгородом и заключил новое соглашение с Рижским епископством³²: «оже пойдуть на насъ, ть вы намъ помозите». Затем летописец кратко упоминает и предоставление сорока заложников: «и пояша у нихъ 40 мужъ въ талбу» [НПЛ: 66]. Структура летописного текста не позволяет однозначно указать на то, какая из сторон предоставила заложников: рижане или псковичи. Однако исходя из того, что ранее в данном отрывке местоимение «они» обозначало рижан (а «мы» — псковичей), наиболее вероятно, что *тали* были отправлены Рижским архиепископством в Псков. Кроме того, сравнительный материал показывает, что заложники-гаранты часто выдаются в качестве подтверждения конкретного обещания [Kosto 2012: 25], что также указывает на то, что заложники были выданы Рижским епископством в подкрепление обязательства предоставить помощь Пскову в случае

битвы Мстислав Мстиславич забирает свою дочь, жену Ярослава Всеволодича, в наказание ему [НПЛ: 56].

³¹ Например: «Борис с товарищами обманул псковичей. Ольговичи и не думали биться за Новгород и тем более за Псков. Прибытие новгородских оппозиционеров принесло Пскову только беды» [Хрусталеv 2009: 183].

³² *Новгородская первая летопись* говорит о том, что псковичи, заключив мир с Ригой, «Новгородъ выложивъше» [НПЛ: 66], т. е. исключили его из союзников, предыдущее соглашение было заключено между Новгородом, Псковом и Ригой в 1224–1225 гг. [Хрусталеv 2009: 125–128].

надобности. Кроме того, эта информация была важна для псковича, для которого было бы также естественно умолчать о неприятных обязательствах со стороны своего города.

Практика предоставления гарантов фигурирует в отношениях Пскова и Ливонского Ордена в XIII в., что связано с усилением интенсивности их взаимодействия в этот период. Так, после поражения псковичей в битве с крестоносцами под Изборском в 1240 г., разорения псковского посада и тяжелой осады города, Псков был вынужден предоставить *талей* по требованию рыцарей, причем уточняется, что это были младшие родственники видных псковичей: «дѣти поимаша у добрыхъ мужъ в тали». По-видимому, их выдача была вынужденной мерой, необходимой для отхода крестоносного войска от стен Пскова и как залог безопасности оставшихся рыцарей: «Твердило Иванковичъ [...] самъ поча владѣти Пльсковомъ с Нѣмци» [НПЛ: 77]. Летопись сообщает о том, что псковские *тали* были возвращены после битвы на Чудском озере в 1242 г. вместе с пленными, захваченными во время сражения, по инициативе руководства Ордена: «а что есмы изымали мужии вашихъ, а тѣми ся розмѣнимъ: мы ваши пустимъ, а вы наши пустите»; и таль пльсковьскую пустиша и умиришася» [НПЛ: 78–79]. Деловой и лаконичный характер предложения Ливонского Ордена, быстрый обмен пленными, а с ними и возвращение заложников и скорое заключение мира показывают, что подобные процедуры завершения конфликта были хорошо известны обеим сторонам и регламентированы. Соглашение с Ливонским Орденом не требовало отправления гарантов, а наоборот, освобождало их, что подтверждает близость *таля* к статусу пленника в данном контексте.

Показательно, что среди всех рассмотренных эпизодов лишь сообщение *Сuzдальской летописи* 1139/40 (6647) г. напрямую говорит о предоставлении *талей* новгородцами князьям из династии Рюриковичей. Авторы *Новгородской первой летописи* не употребляют это слово в подобном контексте, говоря только о *талях* из числа псковичей, оказавшихся у крестоносцев или о рижанах, оставшихся в Пскове. Новгородские заложники показаны в этой летописи описательно, а сама практика теряется в повествовании среди других похожих поездок: в некоторых эпизодах дается указание на возраст и статус, порой называются имена гарантов и прослеживается их дальнейшая судьба. Данные особенности показывают отрицательное отношение новгородских книжников к этой практике: вероятно, она воспринималась как унижительное требование со стороны Рюриковичей. Однако сам факт ее использования свидетельствует о исключительности Новгорода в глазах династии и о признании способности города проводить собственную независимую политику.

* * *

Итак, предоставление заложников-гарантов было распространено на Руси XI–XIII вв. преимущественно в следующих политических сферах: при взаимодействии Рюриковичей с языческими, в первую очередь, степными племенами; в отношениях Новгорода с киевскими, суздальскими, черниговскими князьями; в отношениях Пскова с Рижским епископством и Ливонским Орденом. По всей видимости, изначальное использование этой практики в соглашениях князей с печенегами основывалось на византийских образцах. В эпоху Владимира Мономаха именно ее универсальность способствовала заключению первых мирных переговоров между правителями, принадлежавшими к разным религиозным и культурным обществам: князьями Руси и половецкими ханами.

В отношениях Новгорода с киевскими, суздальскими, черниговскими князьями в XII–XIII вв. развивались практики разных форм как представительства, так и военных захватов, а кроме того, совершенствовались возможности обменов, варианты сохранения жизни и статуса в ситуации политической неудачи. В этих условиях выполнение функций заложников-гарантов могло варьироваться от участия в почетной представительской делегации на небольшой срок около одной недели (как миссия новгородцев, сопровождавших в 1236 г. Ярослава Всеволодича в Киев) до фактического пленения князем на несколько лет (как это произошло с Мирошкой Нездиничем). Осторожное использование этой практики в отношениях князей с Новгородом и множество промежуточных форм ее применения показывают высокий уровень сложности их взаимодействия. При этом односторонний характер выдачи Новгородом своих гарантов компенсировался со стороны представителя династии оставлением в нем на княжение такого же «дѣтя» — малолетнего Рюриковича. Состав делегации от Новгорода мог отражать паритет отдельных концов или просто включать представителей семей, придерживавшихся противоположных стратегий и по-разному относящихся к князю. Отправление *талей* применялось и в отношениях Пскова с Рижским епископством и Ливонским Орденом, где эта практика могла как сопровождать конкретное обещание (в случае договора псковичей с рижанами в 1228 г.), так и, наоборот, быть достаточным условием для снятия осады (как во время стояния крестоносцев под Псковом в 1240 г.), т. е. была ориентирована на решение конкретных практических задач.

Характер использования заложников-гарантов показывает, что взаимодействие таких могущественных политических акторов, как городское сообщество или династия, на практике задействовало личные, семейные связи для достижения конкретных целей. Существенно, что несмотря на различие сфер применения гарантов: их отправляли к

языческим степным партнерам или забирали из Новгорода для сопровождения князя, чаще всего эта практика предполагала участие младших членов семей элит и правителей: сыновей, братьев, племянников, которые отправлялись в недружественный лагерь, а в случае удачного исхода приобретали необходимые политические связи для своей будущей карьеры.

Библиография

Источники

Heimskringla 2002

Heimskringla, Bjarni Aðalbjarnarson, rit., *Íslenzk fornrit*, Reykjavík, 2002.

МРН 2017

Monumenta Poloniae Historica, Nova Series, 16: Kronika halicko-wołyńska, Dąbrowski D., Jusupović A., ed., Kraków – Warszawa, 2017.

Orkneyinga saga 1980

Orkneyinga saga, Finnbogi Guðmundsson, rit., *Íslenzk fornrit*, Reykjavík, 1980.

Ахмад ибн Фадлан 2016

Ахмад ибн Фадлан, Книга Ахмада ибн Фадлана, В. С Кулешов, пер., *Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара*, Москва, 2016, 18–47.

Константин Багрянородный 1991

Константин Багрянородный, *Об управлении Империей*, Литаврин Г. Г., ред., Москва, 1991.

НПЛ

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов, Насонова А. Н., ред., Москва, Ленинград, 1950.

ПСРЛ, 1

Полное собрание русских летописей, 1: Лаврентьевская летопись, Москва, 1997.

———, 2

Полное собрание русских летописей, 2: Ипатьевская летопись, Москва, 1998.

Словари

Словарь русского языка XI–XVII вв. 2011

Словарь русского языка XI–XVII вв, 29, Москва, 2011.

Срезневский 1912

Срезневский И. И., *Материалы для словаря древнерусского языка*, 3, С.-Петербург, 1912.

Фасмер 1987

Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, 4, Москва, 1987.

Литература

Бережков 1963

Бережков Н. Г., *Хронология русского летописания*, Москва, 1963.

Гимон 2006

Гимон Т. В. В каких случаях имена новгородцев попадали на страницы летописи (XII–XIII вв.)?, *Древнейшие государства Восточной Европы. 2004 г.: Политические институты Древней Руси*, Москва, 2006, 291–333.

Гиппиус 2004

Гиппиус А. А. О нескольких персонажах новгородских берестяных грамот XII века, *Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1997–2000)*, Москва, 2004, 164–182.

——— 2006

Гиппиус А. А., Скандинавский след в истории новгородского боярства (в развитие гипотезы А. А. Молчанова о происхождении посадничьего рода Гюрятиничей-Роговичей), *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology* (= *Slavica Helsingiensia*, 27), Helsinki, 2006, 93–108.

Горский 2002

Горский А. А., К вопросу о составе войска Олега в походе на Царьград, *Восточная Европа в древности и средневековье, 14: Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти чл.-корр. АН СССР В. Т. Паушто: материалы конференции*, Москва, 2002, 45–53.

Дашкевич 1991

Дашкевич Я. Р., Спорные вопросы дипломатической практики Древней Руси, *История СССР*, 4, 1991, 100–111.

Мельникова 2012

Мельникова Е. А., Заложники и клятвы: Процедура заключения договоров с норманнами, *Именослов. История языка. История культуры*, Москва, 2012, 111–182.

Стефанович 2004

Стефанович П. С., Крестоцелование и отношение к нему в Древней Руси, *Средневековая Русь*, 5, 2004, 86–113.

Хрусталеv 2009

Хрусталеv Д. Г., *Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв.*, 1, Москва, 2009.

Янин 1991

Янин В. Л., *Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий*. Москва, 1991.

——— 2003

Янин В. Л., *Новгородские посадники*, Москва, 2003.

Bennett, Weikert 2016

Bennett M., Weikert K., eds., *Medieval Hostageship c.700–c.1500: Hostage, Captive, Prisoner of War, Guarantee, Peacemaker*, Abingdon-on-Thames, 2016.

Hermanson 2019

Hermanson L., *Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe c. 1000–1200*, transl. by A. Crozier, Leiden, Boston, 2019.

Hicklin 2019

Hicklin A., Aitire, 人質, тали, ὄμηρος, 人質, obses: Hostages, Political Instability, and the Writing of History c. 900–c. 1050 CE, *Medieval worlds*, 10, 2019, 151–176.

Kosto 2012

Kosto A. J., *Hostages in the Middle Ages*, Oxford, 2012.

Lavelle 2006

Lavelle R., The use and abuse of hostages in later Anglo-Saxon England, *Early Medieval Europe*, 14 (3), 2006, 269–296.

Πατούρα-Σπανού 2013

Πατούρα-Σπανού Σ., Οι Ὀμηροὶ καὶ ἡ ὀμηρεία ἀπὸ τὴν ἀρχαιότητα ἕως τὸ τέλος τοῦ Βυζαντίου στὶς ἐλληνικὲς πηγές: Συνοπτικὸ περίγραμμα, *Antecessor. The Spyros Troianos' Honorary Volume*, Athens, 2013, 1397–1421.

References

- Bennett M., Weikert K., eds., *Medieval Hostage-ship c.700–c.1500: Hostage, Captive, Prisoner of War, Guarantee, Peacemaker*, Abingdon-on-Thames, 2016.
- Berezhkov N. G., *Khronologiia russkogo leto-pisaniia*, Moscow, 1963.
- Dashkevich Ya. R., Spornye voprosy diplomatičeskoj praktiki Drevnei Rusi, *Istoriia USSR*, 4, 1991, 100–111.
- Gimon T. V., V kakikh slučaiakh imena novgorodtsev popadali na stranitsy letopisi (XII–XIII vv.)?, *Drevneishie gosudarstva Vostočnoi Evropy. 2004 g.: Politicheskie instituty Drevnei Rusi*, Moscow, 2006, 291–333.
- Gippius A. A., O neskol'kikh personazhakh novgorodskikh berestianykh gramot 12 veka, *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1997–2000)*, Moscow, 2004, 164–182.
- Gippius A. A., Skandinavskii sled v istorii novgorodskogo boiarstva (v razvitie gipotezy A. A. Molchanova o proiskhozhdenii posadnich'ego roda Giuriatinichei-Rogovichei), *The Slavization of the Russian North. Mechanisms and Chronology* (= *Slavica Helsingiensia*, 27), Helsinki, 2006, 93–108.
- Gorskiy A. A., K voprosu o sostave voiska Olega v pokhode na Tsar'grad, *Vostochnaia Evropa v drevnosti i srednevekov'e, 14: Mnimye real'nosti v antichnoi i srednevekovoi istoriografii*, Moscow, 2002, 45–53.
- Hermanson L., *Friendship, Love, and Brotherhood in Medieval Northern Europe, c. 1000–1200* Crozier A., transl., Leiden, Boston, 2019.
- Hicklin A., Aitire, 人質, tali, homeros, 人質, ob-ses: Hostages, Political Instability, and the Writing of History c.900–c.1050 CE, *Medieval worlds*, 10, 2019, 151–176.
- Khrustalev D. G., *Severnye krestonostsy. Rus' v bor'be za sfery vliianiia v Vostočnoi Pribaltike XII–XIII vv.*, 1, Moscow, 2009.
- Kosto A. J., *Hostages in the Middle Ages*, Oxford, 2012.
- Lavelle R., The use and abuse of hostages in later Anglo-Saxon England, *Early Medieval Europe*, 14(3), 2006, 269–296.
- Melnikova E. A., Zalozhniki i kliatvy: Protse-dura zakliucheniiia dogovorov s normannami, *Imenoslov. Istoriia iazyka. Istoriia kul'tury*, Moscow, 2012, 111–182.
- Patoura-Epanou E., Oi Homeroi kai e omereia apo ten archaioteta eos telos tou Buzantiou stis ellenikes peges: Euno-ptiko perigramma, *Antecessor. The Spyros Troianos' Honorary Volume*, Athens, 2013, 1397–1421.
- Stefanovich P. S., Krestotselovaniye i otnoshe-niye k nemu v Drevney Rusi, *Srednevekovaya Rus'*, 5, 2004, 86–113.
- Yanin V. L., *Novgorodskii akty XII–XV vv. Khro-nologicheskii kommentarii*, Moscow, 1991.
- Yanin V. L., *Novgorodskii posadniki*, Moscow, 2003.

Мария Леонидовна Лавренченко, кандидат исторических наук,
доцент кафедры отечественной средневековой и новой истории
исторического факультета
Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова
150000, Ярославль, Советская ул., 10
Россия / Russia
lavrenchenko1@yandex.ru

Received December 5, 2022